

В 1788 году в Курской губернии в семье крепостного Семёна Щепкина родился сын Михаил. Ему суждено было стать лучшим, знаменитейшим актером российской сцены.

Но прежде ему суждено было испытать те горести судьбы, которые выпадали на долю крепостных. Только зрелым человеком, уже знаменитым актером удалось ему, наконец, обрести свободу, купить себя и свою семью у графа Волькенштейна, собственности которого были Щепкины.

В 1805 году Михаил Семенович впервые выступил на сцене в провинциальном театре. Он заменял внезапно выбывшего актера, за сутки выучил роль и сыграл ее прекрасно. И с того дня, как вышел на сцену семнадцатилетним юношей, до того момента, когда, уже тяжело больной старый человек, отправился в 1863 году в свои последние гастроли, — он горел воодушевлением и любовью к искусству.

Щепкин много ездил, был свидетелем трагических эпизодов, из которых сплошь состояла жизнь крепостного театра. Один из таких эпизодов он рассказал с болью и негодованием своему другу А. И. Герцену, который написал об этом повесть «Сорока-воровка».

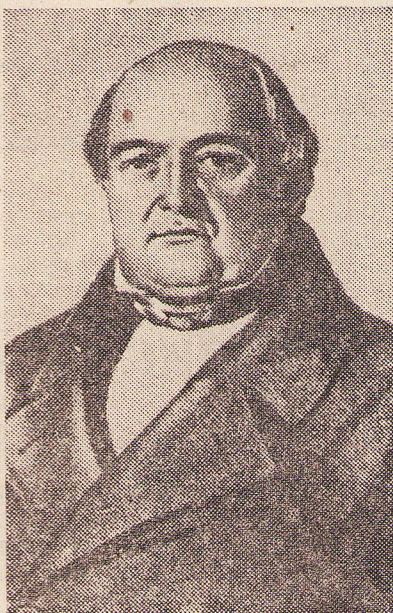
В 1822 году Михаил Семенович пришел в Малый театр, который потом стали называть «Домом Щепкина». В затхлую атмосферу столичного «императорского» театра точно ворвалась свежая струя. Всю жизнь Щепкин добивался правды на сцене, оттачивал свое «искусство играть просто». Он был художником-реалистом и считал, что «искусство» настолько высоко, насколько близко к природе.

В его талант верили лучшие люди того времени. Гоголь полусерьезно писал, что он Щепкину «отводит» десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет; даже может разом все играть». Комедией, о которой шла речь, был бессмертный «Ревизор», а Щепкин стал первым исполнителем роли «архиплута, архибестии» Городничего. Он вложил в этот образ всю мощь своего обличительного таланта, все свое

„СТРОГИЙ АКТЕР“

К 100-летию со дня смерти М. С. Щепкина

совершенное мастерство. Кроме того, играя эту роль, Щепкин показал себя человеком большой гражданской смелости. «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!» — говорил его Городничий и обращался не к своим партнерам по сцене, а уже прямо к чванливому, увешанному орденами партеру.

Лев Толстой, посмотрев Щепкина в «Ревизоре», записал коротко: «Строгий актер!». Это относилось как к манере игры — строгий реализм без всяких «украшательств», так и к социальной значимости образа: критика чиновничьей России в спектакле была беспощадная.

Другим величайшим достижением актера был Фамусов в комедии Грибоедова «Горе от ума», образ, ставший классическим. Целые поколения русских актеров потом воспитывались на этих традициях.

С равным талантом Щепкин исполнял и трагедийные роли, и среди них — Старого барона в «Скупом рыцаре» Пушкина.

Но если бы ему приходилось играть только в таких замечательных пьесах!.. А он играл и всякую мелочь, разные переводные мелодрамы, пу-

стые водевили. «Вмешали в грязь, заставляют играть мелкие ничтожные роли, над которыми нечего делать», — писал о Щепкине Гоголь. Иной раз актеру приходилось выдерживать яростные «схватки с текстом», чтобы буквально на пустом месте создать живой, выразительный образ. Это ему принадлежит крылатая фраза: «Нет маленьких ролей — есть маленькие актеры».

Обращаясь к своим ученикам (он был еще и замечательным воспитателем и учителем театральной молодежи), он писал: «Помни, любезный друг, что сцена не любит мертвечины — ей подавай живого человека, и живого не только телом, а чтобы он жил головой и сердцем»...

Иной раз, бывало, товарищи по сцене говорили ему, что роли свои они уже наизусть знают, зачем лишние репетиции? Он им отвечал: «Репетиция, лишняя для нас, — никогда не лишняя для искусства»... Сам он не знал покоя в работе.

Современник его С. Т. Аксаков писал, что роли его «никогда не лежали без движения, не сдавались в архив, а совершенствовались постепенно и постоянно». И в 65 лет Щепкин мог с горячностью и юношеским жаром высказывать недовольство своей игрой.

Со дня его смерти прошло столетие, но его заповеди не потеряли своего значения и в наши дни. Он призывал актеров любить искусство, любить театр больших идеалов и правдивых чувств. Значение Щепкина в истории русской сцены огромно. В самый разгар николаевской реакции Герцен писал о нем и о другом корифее театра, Мочалове: «Оба принадлежат к тем намекам на сокровенные силы и возможности русской природы, которые делают неизбежной нашу веру в будущность России».

Н. БАСМАНОВА.